

Юлия Резник

ТИТАНОВЫЙ КОРОЛЬ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р34

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Оформление серии *А. Зининой*

Резник, Юлия.

Р34 Титановый король : [роман] / Юлия Резник. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-188248-8

Дина Довгань — железная леди, за глаза ее зовут титановой королевой. Она богата и независима, может позволить себе все что угодно. Вот только все ли можно купить? В огромном особняке Дина чувствует себя одиноко, а парень, который ей понравился, кажется, совсем ничего к ней не испытывает. Сможет ли Диана пробудить в его сердце любовь, не потеряв достоинства? Сможет ли он стать королем рядом с королевой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188248-8

© Резник Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Дина

Мое дыхание обрывается ровно в тот момент, когда пальцы красавчика-массажиста перемещаются под ягодичные складки. Тепло, что зародилось в теле еще с полчаса назад, вспыхивает огнем и превращает кровь в раскаленную лаву. Мне, наверное, стоит возмутиться. Сказать что-то вроде: «Ты ничего не попутал, мальчик?» Но язык вязнет — во рту сухо, а сердце в клетке ребер берет такой разгон, что его удары отзываются в горле. Я затаиваюсь, как учуявший неладное зверь, и почти не дышу...

Сильные руки чутко улавливают охватившее меня напряжение. Красавчик возвращается к моим окаменевшим плечам. Уверенными движениями вновь начинает разминать мышцы. И вдруг, наклонившись чуть ниже, негромко интересуется:

— Все нормально?

Нет... Я ежусь. На коже выступают мурашки. Голос у него шершавый, как кора двухсотлетнего дуба, что растет у меня на участке. Иногда я сижу под ним, запрокинув голову к богатой узорчатой кроне, сквозь которую не без труда пробиваются слепящие пятна света, и, слившись с исполинским стволом спиной, ощущаю то же самое, что теперь. Как мою кожу слегка царапает...

— Угу... — только и могу из себя выдавить.

— Вот и хорошо.

У парня свежее дыхание. И ненавязчивый нейтральный парфюм. Специалистам, которые так близко контактируют с людьми, не положено что-то более резкое. Да и не надо. Его аромат и так оседает на моих сверхчувствительных рецепторах. Черт-те что. Права была Светка, когда сказала, что мне нужно обзавестись любовником. Хотя бы чтобы не попадать в такие идиотские ситуации. Когда я сама себе кажусь жалкой.

Чтобы успокоиться, дышу размеренно. Вдыхаю носом, выдыхаю ртом. Медитация помогает. Или это руки красавчика снова заставляют мое тело расслабиться... Косточки превращаются в холодец. Понятия не имею, как буду слезать со стола. Это и правда очень хорошо. Отпускаю контроль, позволяя себе насладиться происходящим по полной. Время неумолимо движется вперед, и совсем скоро сеанс массажа закончится. Когда точно — я понятия не имею. Часов на полу, куда устремлен мой взгляд, нет. Но по тому, как сместились полосы света, проникающие сквозь жалюзи, я могу судить, что кайфовать мне осталось недолго. И потому я потерявшейся кошкой лгну к чужим рукам.

Красавчик разминает мне поясницу. О да. С моих губ срывается хриплый стон. Ему вторит пренебрежительное мужское хмыканье. Я чувствую, как щеки обдаёт жаром. Становится ужасно неловко. Я могу ошибаться, но разве массажисту не стоит быть более сдержанным? Интересно, что он себе надумал? Впрочем, какое мне до этого дело? Скорее всего, мы больше никогда не встретимся. Я здесь и оказалась лишь

потому, что сертификат в SPA мне на день рождения подарила подруга. Светка не соврала — здесь действительно шикарно, но это не важно, я все равно сюда не вернусь. Потому что не люблю выбираться из своего кокона.

Пока я лениво гоняю по кругу мысли, пальцы массажиста снова смещаются и проходят в опасной близости от кромки идиотских одноразовых трусиков. Их выдают в местах вроде этого в комплекте с халатом и шапочкой для душа. Я медленно сглатываю пульсирующее в горле сердце. Умелые руки красавчика на миг замирают. Едва касаясь, поглаживают кожу на внутренней стороне бедра и неспешно продвигаются дальше...

Господи, что он делает? А я... что? Надо непременно его остановить. Какого черта он вообще себе позволяет?

Меня бросает в пот. Пот собирается над губой, на висках и в подмышках. Массажист обхватывает полushария моих ягодиц ладонями, а большими пальцами отодвигает трусики в сторону.

И тут я подсказываю. Сажусь, прижав к груди чертово полотенце, потому что орать, сидя перед ним голый, глупо.

— Это что сейчас было? Ты вылететь отсюда захотел, да? Так я это устрою.

Меня слегка потряхивает. И все бы ничего... Да только трясет меня вовсе не от праведного гнева, как должно бы, а скорее от собственной же неудовлетворенности. Напряженные мышцы, не получив своего, яростно сжимают пустоту. И где-то на краю сознания зудит пугающая мыслишка: а если бы я позволила, м-м-м? Ну, что бы от меня... убыло? Вряд ли.

— Извините. — Красавчик в примирительном жесте выставляет перед собой ладони. Пальцы у него длинные, на руках неожиданные мозоли, запястья по мужицки широкие. Я как идиотка плююсь на эти руки, вместо того чтобы поставить извращенца на место. Влепить ему пощечину. А еще лучше вызвать директора и все рассказать...

— Извините? — перекирвляю, не в силах затолкать назад проснувшуюся в себе стерву. — Знаешь, куда ты можешь засунуть свои извинения?

Все мое напускное спокойствие идет дырами, бежит стрелками, как прохудившиеся колготки. Я вскакиваю со стола, шагаю к нему, не имея совершенно никакого плана, что делать дальше. Чувствую себя лающей на слона Моськой. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Он высок. И действительно, очень красив. Это только еще сильнее меня бесит. Я ничего подобного не ощущала сто лет! А теперь... вот. Главное, кто виноват в случившемся? Массажист, которого я в первый раз вижу! Делаю решительный шаг и будто с разбега наталкиваюсь на его равнодушный взгляд исподлобья.

— Боюсь, вышло какое-то недоразумение. Вы в курсе, на какую услугу записались? — мертвым, без тени эмоций голосом интересуется парень.

— Конечно! — вздергиваю подбородок я. — На массаж.

— Интимный массаж, — так же ровно уточняет он.

— Что? — Моя челюсть медленно отъезжает вниз. — Ты... Вы же сейчас шутите, правда?

— Нет. Но я приношу извинения от имени компании за случившееся недопонимание. Сотрудники на ресепшен должны были донести до вас полную информацию об услуге.

Мы впервые так близко, что я со своим сильно подсевшим за последнее время зрением могу рассмотреть его бейдж. Зовут парня Федор.

— Они не виноваты. Это был... подарок. И если кого винить, так это мою подругу.

По крайней мере, это я должна признать. В ответ на мои слова Федор равнодушно пожимает плечами. Плечи у него богатырские. Тугие бицепсы, натягивающие ткань белой медицинской формы с голубой, в тон его льдистых глаз, выстрочкой. Интересно, а он с таким же каменным лицом ласкал бы меня между ног?

Это какой-то сюр... Мне делал интимный массаж ряженный. Как те стриптизеры, что переодеваются в пожарных или ковбоев. Остается только надеяться, что в процессе горе-доктор не сместил мне парочку дисков. Кости — то небольшое, что во мне еще остается целым.

— У тебя хоть диплом есть? Мне за спину уже начинать волноваться или обойдется? — уточняю, потянувшись к халату. Все это время тот висел на вешалке справа от стола. А я совершенно о нем забыла, иначе бы надела сразу и не расхаживала перед массажистом в чем мать родила. Пусть ему не привыкать, самой мне неловко. Не считая нужным скрывать, что чувствую, я брезгливо морщусь.

— Диплом есть. И пять лет медицинского. — Красавчик открывает кран, намывает руки и принимается мыться, как хирург перед операцией. Меня это какого-то лешего задевает. Хотя... мало ли кто к нему приходит за своей порцией удовольствия. Может, оно и к лучшему. По крайней мере, я могу быть спокойна за свое здоровье.

— А на последний год тебя не хватило? Или ты вдруг почувствовал, что твое призвание — интимный мас-

саж? — язвительно интересуюсь я, затянув поясок на халате. Спина Федора каменеет. Я прикусываю язык. Светка говорит, что я одичала, и, наверное, в ее словах есть доля правды. Неудивительно, что красавчик ничего мне не отвечает. Перед тем как выйти, бросает лишь:

— Скажу, чтобы вам принесли чай.

Чай... Нес бы уже что покрепче!

Ну, Светка, ну, удружила! Быстро одеваюсь и выхожу за дверь. Чаю закономерно не хочется. Светка дожидается меня в шикарном холле, где никого, кроме нас, нет. Возможно, так сделано специально, чтобы прибегнувшие к интимному массажу клиенты не испытывали неловкости.

— Я тебя убью! — выдаю с порога.

— Еще скажи, что тебе не понравилось! — хохочет эта дурочка.

— Ты в своем уме?! Конечно, нет! Как тебе такое в голову пришло... — ругаюсь я. — Постой, а ты что... пробовала? Этого... Как его? Федора.

Не понимаю, откуда берется тянущее за грудиной чувство ревности. Я открываю шкаф, где висит моя куртка, не глядя на Светку, просовываю руки в рукава. Пальцы слегка дрожат. Какой же дурацкий день... Тридцать первый день моего рождения.

— Скажешь тоже. Конечно, нет! У меня же Паша... ..И свою разрядку я получаю вполне традиционным способом, — смеется Светка.

— Не смешно! — рывкаю я. — О таком предупреждать надо. Или хотя бы поинтересоваться, оно мне надо?!

— А то так не видно, Дин! Ты ж скоро начнешь на всех бросаться от недотраха. — Авдеева, как и всегда,

рубит правду-матку. Я ее страшно люблю именно за эту редкую сейчас искренность.

— Сомневаешься, что я найду мужика, если захочу потрахаться? Вот как ты обо мне думаешь?

— Эй... Дин, ты чего? — Светка удивленно хлопает ресницами. Сцепив зубы, я обхожу ее и толкаю входную дверь. Авдеева бежит за мной. — Я же хотела как лучше. А он что... он совсем-совсем тебе не понравился? Такой красавчик, да если бы не Пашка, я бы к нему каждый день ходила, вот. И если бы ты мне зарплату повысила... Ценник за эту услугу — умереть и не встать, знаешь ли.

Я не останавливаюсь. Интересно, сколько клиентов проходит через руки Федора в день? Три? Четыре? А может, и того больше? Ну и хрень же лезет мне в голову!

— Ты поставила меня в идиотское положение. Я-то не знала, что меня ждет. Поэтому...

— Ты поставила в идиотское положение массажиста? — хихикает Светка. Гляжу на нее из-под наспуленных бровей. — Ну не злись. Ты бы иначе не согласилась. А так был шанс, что он тебя... хм... убедит. — И тут же с любопытством: — Не вышло?

Часы на руке сигнализируют о том, что мне следует принять лекарства. Я прикидываю расстояние до припаркованной машины. Идти всего ничего, но мои руки машинально тянутся к аптечке, словно я тут же рухну замертво, если не приму пилюли тотчас. Это не так. Не рухну... Но человеческие страхи мало поддаются логике.

— Я же сказала! Ничего у нас не было.

— А у вас и не должно было быть. Исключительно у тебя... Разрядка.

— Я что, и правда на людей бросаюсь? — кошусь на Светку. Ветер подхватывает мои обкорнанные волосы, после операции прошел почти год, а они все никак не отрастут.

— Да от тебя все наши мужики стонут! От охранника на проходной до Куницына.

Куницын — генеральный директор одного из принадлежащих мне заводов. Матерый такой мужик, отличный профессионал. Уж если я и его задрала, то мои дела совсем плохи.

— Учту, — киваю, ставлю сумку на пассажирское сиденье, сама ныряю на водительское. Один пузырек, другой, третий, блистеры... Всего десять таблеток. Утром и вечером чуть побольше.

— Не забудь, что в семь мы тебя ждем в «Нигора». У них потрясающее диетическое меню. Ничего вредного, ничего острого...

— Ничего вкусного, — заканчиваю за подругу. На этот раз обычно задорный Светкин смех звучит натянуто.

— А хочешь, я закажу то же, что и ты?

— Это еще зачем? Чтобы никто из нас не получил удовольствия? — удивляюсь. Хочется домой, в свою раковину, но машина еще не прогрелась, а Светка, пользуясь этим, продолжает надоедать.

— Это ужасно несправедливо!

— Что?

— То, что тебе этих самых радостей осталось так мало! А доступные ты сама какого-то фига игноришь!

Боже, она опять об этом?! Я закатываю глаза и меняю тему:

— Я приеду. Говоришь, в семь?

— Ага. Так ты точно не хочешь закатить грандиозную вечеринку?

Для меня поход в любое многолюдное место — подвиг. И испытание для здоровья. Так что... Нет. Я не хочу. Качаю головой. К счастью, от дальнейших пререканий с подругой меня избавляет звонок телефона. За год моей новой жизни тот звонит все реже, но в день рождения обо мне вспоминают даже те, кто давно забыл... Кошусь на экран и сильнее стискиваю на руле пальцы.

— Не хочешь ответить? — удивляется Авдеева.

— Нет. Это Гарипов.

Глаза Светки комично округляются.

— Надо же! Не забыл. Хочешь, я этому мудаку за тебя отвечу?! Давай! Я все этой падле скажу...

И снова я качаю головой. Нет, не надо. Ответить, по-хорошему, следует мне. Но я не склонна к мазохизму. Не хочу проворачивать нож, воткнутый в мое сердце. Ведь если тот не трогать, порой даже кажется, что его там и вовсе нет.

Глава 2

Дина

Дождь начинается еще в дороге. И без того серый промышленный город выцветает как будто полностью. Сейчас он так похож на меня... Серую, неказистую. Гляжу на себя в зеркало заднего вида. Да, ничего особенного. Знала бы, что после операции мне ничего нельзя будет поменять, может, успела бы сделать какой-нибудь модный тюнинг. А так казалось, что спешить некуда. Да и зачем? Если все у меня хорошо. И вообще, и в личном...

Мысли о личном напрягают. Сковывают расслабленные недавним массажем мышцы. Сама того не замечая, я сбрасываю скорость. Едущим следом машинам приходится идти на обгон. Но никто не решается меня обсигналить. Побаиваются. Моя тачка такая одна в целом городе. Всем понятно, кто за рулем.

Немного приоткрываю окно. Просовываю в образовавшуюся щель ладонь. Разгоряченная кожа покрывается холодной осенней моросью, и так, через руку, я будто вся ею напитываюсь. Мимо проносятся промзона, склады, заводские трубы, линии электропередачи прошивают проводами серое небо и, удаляясь в перспективу, делаются все меньше. Столько деталей, а глазу не за что зацепиться. То ли дело за городом. Там все намного красивее. Серебристое извивающе-

еся тело реки, внушительные горы, окружающие живописное озеро, которое летом иногда даже прогревается до приемлемых температур. Тогда, нарушая мой покой смехом, пьяными разговорами о жизни и дьрмовой музыкой, из города подтягиваются толпы народа. Но осенью вокрут почти никого. Лишь иногда пикники устраивают.

Сворачиваю с трассы, проезжаю еще километров пятнадцать, и вот он... Мой дом. Дом стоит на сваях. Черный металл и дерево. Шикарный скандинавский дизайн, огромные окна, выходящие на воду и горы... Я обожаю здесь все. Но иногда... Иногда я чересчур остро ощущаю в нем свое одиночество.

Я ставлю машину в гараж и выхожу. Над головой тут же возникает большой черный зонтик.

— Спасибо, — киваю охраннику. Если я отстояла свое право самостоятельно передвигаться по городу, то тут к эсбэшникам все же пришлось прислушаться. Жить одной так далеко от цивилизации страшно. Город у нас суровый. Кругом полно тюрем. — Я часов в шесть опять отъеду. — Предупреждаю, потому как это положено. Охранник кивает. В сумке вновь коротко тренькает телефон. Я тянусь к кармашку, захожу в заботливо приоткрытые двери, скидываю лоферы. Одной рукой расстегиваю пальто, другой — снимаю с экрана блокировку. Он? Или не он? Он все же... Ну, да и черт с ним. Хуже этот день вряд ли станет.

— Алло!

— Дина... Привет. Я... — Видно, Гарипов не ожидал, что я все-таки отвечу. В трубке повисает пауза. — Я хотел поздравить тебя с днем рождения, — через силу выдавливает он. И этот до боли знакомый голос до сих пор будто тянет меня за кишки.

— Спасибо.

Если бы все мои чувства не поглотила боль, я бы, может, посочувствовала Рустаму. Он ведь не совсем пропащий. Даже, можно сказать, совестливый. Уверена, решение бросить меня в самый сложный и самый страшный период жизни далось ему весьма нелегко. Ага, в муках прямо-таки... Хмыкаю. И прислоняюсь лбом к теплой деревянной панели, которыми, по моему незатейливому вкусу, декорирован коридор.

— Эм-м-м... — протягивает Гарипов. — Как ты себя чувствуешь?

С тех пор как мне провели операцию по трансплантации печени, девяносто девять процентов моих знакомых начинают разговор именно с этого опостылевшего вопроса. А ведь я больше не умираю и веду вполне обычную жизнь. Даже могу родить, если захочется. Тогда как Рустамчик боялся остаться со мной бездетным. И вроде как этот довод стал для него решающим. А там... кто знает?

— Нормально, — удивленно замечаю я. — А что такое?

— Нет-нет, ничего... Просто... Как ты?

Какой бессмысленный и изматывающий разговор. Что сказать? «Я жива? И почти здорова? Зря ты меня хоронил?» Ну, нет... Это прозвучит упреком. А мы же, мать его, не быдло какое-то, а вполне цивилизованные люди. Я даже скандал не стала закатывать, когда узнала, что он, пока я по реанимациям... хм, очень быстро нашел... с кем утешиться. Тогда главным мне казалось, что я осталась жива. Боль от предательства пришла потом, с выздоровлением.

— Да нормально, слушай... Вот из СПА приехала. Ты не был? На Кузнецкой. Прямо очень рекомендую. А теперь собираюсь на вечеринку. Светка устраивает.

Если хочешь, приходи, — накидываю, зная, что он никогда не согласится. Так, дурачусь, чтобы Рустам не подумал, будто мне до сих пор есть до него дело.

— Нет, я не могу. Она же меня ненавидит.

— Кто? Светка? А что, есть повод? — кошу под дурочку, и от моей цивилизованности не остается следа. Ее налет сметает бурлящим потоком желчи.

— Ну зачем ты так? — Голос Гарипова прямо-таки сочится показным сожалением.

— А ты? Господи, Рус, столько времени прошло. У меня совсем другая жизнь. Другой мужик, в конце концов...

— И что? Твой мужик не будет против, если я заявлюсь?

— Он понимает, что наша история в прошлом.

«Какой другой мужик, Дина? Вымышленный?» — усмехается внутренний голос. А другой ему отвечает: «А если и так! Гарипов этого никогда не узнает. Потому что ему не хватит яиц прийти и проверить мои слова».

— Нет. Я... может, как-то в другой раз поужинаем, без свидетелей. Поболтаем...

— Ну, смотри, как знаешь. Ох ты ж черт! Извини, мне давно пора собираться.

— Конечно-конечно. Еще раз с днем рождения.

Я отбиваю вызов, чтобы не слушать короткие гудки. Откладываю телефон, смотрю на дрожащие руки. Мы не общались... сколько? Месяцев восемь. Не надо было и начинать.

Поднимаюсь к себе, хлопаю дверью спальни. Застываю у панорамного окна, выходящего на озеро с громящимися за ним горными хребтами, по случаю осени убранными в золото и багрянец. Рука привычно

ложится на живот. Но стоит мне осознать этот жест, как она тут же отдергивается и повисает вдоль тела плетью. Об этом я вообще не могу вспоминать... И не думаю, что смогу когда-то. Время ни черта не лечит. Люди безжалостно врут.

Чтобы окончательно не раскиснуть, включаю комедию, которая нравилась мне в прошлой жизни. Потом долго выбираю наряд. Дело это довольно сложное. Старые вещи мне велики, а новых, подходящих случаю, нет. Максимум на что меня хватало в плане шопинга — так это на заказ каких-то футболок и джинсов через интернет.

Мой выбор падает на маленькое черное платье, которое даже теперь неплохо на меня садится. Наряд оставляет открытыми ноги, те, на мой вкус, стали уж слишком тощими, но что теперь? Укладываю короткое каре аккуратной шапочкой. Наношу макияж. Диоровская тушь засохла. Приходится в нее поплевать. Образ завершает красная помада. Возможно, на пухлых губах она смотрелась бы лучше, но... Чего нет, того нет. Сую ноги в туфли на высокой шпильке. Даже интересно, не разучилась ли я на таких ходить? Очень неудобно. Но раз уж я решила прихорашиваться, придется терпеть.

В ресторан приезжаю с десятиминутным опозданием. За столиком у окна как раз рассаживаются все наши. Друзей у меня осталось не так уж много, но все они проверенные временем ребята. Светку, Ольгу и Юльку я знаю еще со школы. Их вторых половинок... Да тоже много лет.

— А вот и наша именинница! Иди к нам. Тут самое лучшее место, — зазывает Светка.

— Шутишь?! На углу? Хочешь, чтобы Динка замуж не вышла? — возмущается Юлька.

Я закатываю глаза и демонстративно сдвигаю стул на угол стола. Замуж сходить мне не светит. Хоть сиди на углу, хоть на голове стой. Если что я и усвоила благодаря Гарипову, так это то, что женщина с проблемами со здоровьем никому не нужна. Мне же не нужны рядом люди, на которых нельзя положиться.

Пока я протискиваюсь к своему месту, платье задирается. Это не оставляют незамеченным сидящие за столом друзья:

— Вы только посмотрите, какие ножки у нашей именинницы! А я раньше даже не замечал!

— Красивые. За них и выпьем, — кивает Ольга.

— За ножки? Может, за Динку в целом, а не по частям?

— Полностью поддерживаю! Потому как если что и выделять, то только Динкину печень!

— Господи! — Я закатываю глаза.

— А что? Она тебе хорошо служит. Именно благодаря ей мы вообще сидим за одним столом. — Глаза Светки влажно поблескивают.

— С этим не поспоришь, — усмехаюсь я.

— За Динкину печень! — подхватывают все собравшиеся, а я смеюсь, потому что это действительно очень смешно. Пить за печень... Пусть даже и за мою. Я пригубляю воду. Алкоголь мне категорически противопоказан, как и никотин, как жареное и острое.

— За печень, благодаря которой ты постарела еще на один год!

Все так же посмеиваясь, я киваю и пододвигаю к себе меню. Обычно люди стараются избегать разговоров о случившейся со мной истории. Поэтому я особенно ценю, что мои друзья не делают из этого тра-

гедии вселенских масштабов. Для них это как будто ничего не меняет вовсе.

Делаем заказ, возвращаемся к прерванной беседе. Болтаем о том о сем, моем кости общим знакомым. Бокалы пустеют и наполняются вновь. Приносят закуски. Скоро и передо мной возникает тарелка с куском обжаренного на гриле лосося.

— Я просила рыбу, приготовленную на пару, — говорю я официанту, возвращая тарелку.

— Нет. У меня четко записано — гриль! — Какого-то черта тот начинает со мной спорить.

— Я просила рыбу на пару.

— Нет... вы...

— Да заберите эту чертову тарелку! — рывкаю я, отшвыривая от себя злосчастную рыбу. Разговоры за столом стихают. Я вцепляюсь пальцами в приборы, как если бы хотела воткнуть вилку в глаз тупице-официанту. Внутри все дрожит. Я не привыкла к таким перепадам настроения, но срывы со мной теперь случаются все чаще. Тянусь за бокалом с водой и наталкиваюсь на осуждающий взгляд... Федора. Спросите, какого хрена я запомнила его имя? И как так вышло, что он настиг меня здесь?

— Гриль могу съесть я! — вызывается Олег, чтобы сгладить ситуацию.

— Не удивлюсь, — закатывает глаза Юлька, — у тебя не желудок, а бездонная прорва.

За столом возобновляется легкая беседа, но даже она неспособна поправить мое испорченное настроение. Не знаю, почему я так взъелась на мальчишку-официанта. Ну, перепутал он заказ, ну, стал спорить... И что? Нужно было на него орать? Выходит, Светка права. Я не в себе.